

Предисловие ко второму изданию книги

Эссе, собранные в этой книге, написаны мною в тюрьме «Лефортово». Первое издание было осуществлено в 2003 году, то есть пятнадцать лет тому назад, издательством «Ультра-Культура», возглавлявшимся ныне покойным Ильёй Кормильцевым.

Тематически книга примыкает к книге лекций «Другая Россия» и продолжает суровую критику русского образа жизни, «русского адата».

Такие главы, как «Матушка», «Нора и Родина», «Ж/д», «Опера и балет», «Ангелы Ада и Адам Смит» останутся, я уверен, в сокровищнице наблюдений русских над самими собой. Это такое никогда не стареющее «Россияведение». В то время как эссе «Цивилизация алкоголя и гашиша», «Краткая история костюма», «Идеология сказки» демонстрируют увиденные под необычным ракурсом международные отношения.

«Это всё должно быть переиздано, потому что оно живое и животрепещущее», — сказал я себе и об-

Предисловие ко второму изданию книги

ратился к издательству «Питер» с предложением о переиздании. Предложение было принято.

Не нужно думать, что суровая критика русского адата, созданная в тюрьме «Лефортово» в 2001–2002 годах, противоречит любви к Родине и сегодняшним политическим взглядам автора. Не противоречит. Но принадлежит к одному цельному мировоззрению, есть его составная часть. А, к примеру, эссе «Идеология сказки», написанное в форме памфлета, поражает своим современным пониманием поведения Соединенных Штатов Америки. Поэтому вот пятнадцать лет спустя переиздаю эту книгу.

Автор

Матушка

Россия обычно представляется в облике России-матушки, этакой суровой активистки, приближающейся по энергичности к типу солдатской матери. Однако в противоположность современной антивоенной пацифистке — солдатской матери — Россия-матушка зовёт со старых плакатов своих детей в обратном направлении: не из разбомблённой Чечни прочь в московскую или екатеринбургскую квартиру, но на праведную войну с немецко-фашистскими захватчиками. Так что Россия-матушка существует, скорее, как прошлый образ, но новых не появилось, потому её никто не упразднил и конкурентов или конкуренток — символов России — у неё нет.

В «матушке» — символе страны содержится фатальный глубокий смысл. Во Франции образ *Patrie* (Отчизны) представлен Марианной, как её называют, — это образ молодой женщины. В XVIII веке образ Свободы — юной, полногрудой, в красном фригийском колпаке, она сжимает древко знамени на баррикаде — наложился на образ Родины, и вот последние столетия Марианна — это Франция. Представьте себе русских, называющих Родину

Машей или Наташей! У англичан Родина персонифицируется то с долгоцарствовавшей королевой Елизаветой I, затем с долгожительницей королевой Викторией, а ныне с пожилой уже Елизаветой II. God save the Queen! Однако королевы-долгожительницы (хотя они и дали названия целым эпохам: елизаветинской, викторианской) лишь отчасти символы Великой Британии. Им далеко до абсолютности русской матери-Родины. У янки есть отчизна мужского пола — это еврейстый uncle Sam, точнее Samuel, с длинной белой бородой голландского сектанта — то ли квакера, то ли меннонита.

Почему русские любят свою Родину в облике женщины, минувшей свои лучшие годы, уже неплодной, бывшей женщины? Тюремное сознание даёт ответ, и очень исчерпывающий, на этот вопрос: в тюрьме почитается только мать-старушка. Ведь другие ипостаси женщины изгнаны из тюрьмы: молодые женщины все обладают инстинктом соития, все практически оказываются неверны заключённому. И только мать-старушка, женщина, у которой репродуктивный возраст позади, только она ждёт и любит своего непутёвого тюремного сына. По всей вероятности, наш народ адаптировал себе в качестве символа Родины именно мать заключённого, она же и солдатская мать, ибо заключённый лишь крайний сосед солдата, они помещены на том же поле. Оба несвободные, один жертва наказания, другой — долга.

Есть, мы знаем, другой образ матери, куда более известный и универсальный, растиражированный средневековыми ещё иконами, — образ Мадонны с младенцем. Воспроизведённый сотни тысяч раз на картинах, в том числе на русских иконах, почему не молодая женщина, прижимающая к себе дитя, почему? Молодая мать может изменить, потому в образе матери-Родины важен её нерепродуктивный возраст. Мать-старушка — единственный небольшой для сына-заключённого образ женщины (жена, девушка могут изменить, мать не может) — является таким же единственным родным и неизменяющим образом для сына-солдата.

Мать-Родина, старушка-пенсионерка, солдатская мать — на самом деле самый неженственный образ. Наша Родина — бывшая женщина.

Можно аргументировать избрание символом матери-Родины необходимостью того, чтобы полный сил и здоровья сын защищал старушку-мать. Родина для русского таким образом есть не сила, распространяющая покровительство, но слабость, нуждающаяся в защите. Но опять-таки белогрудую французскую Марианну также нужно было защищать от германских парней в куда большей степени, потому что там, где русскую старушку-мать всего лишь пнут в грязь, французскую пышногрудую девку пустят по кругу, изнасилуют.

Целью настоящих размышлений являются сами размышления и всплывшие в их процессе несколько интересных наблюдений.

Внимательный читатель уже сообразил, что от подобных размышлений пахнет крутым ревизионизмом. Что в первых же строках его вывозят с территории обычных политических категорий на опасные болотистые почвы переосмысления привычных национальных верований. Однако чрезвычайно подозрительна позиция общества, избравшего себе такой символ. Это не отец, не волк, как у чеченцев, не ночхи, но бывшая женщина — пенсионерка. Сын должен защитить бывшую женщину, некогда послужившую ему инкубатором. Наш символ Родины — реликтовое напоминание о матриархате? Наш символ общества пришёл из тюрьмы? Наше общество устроено по тюремным понятиям? Верно и то и другое. Это нездоровый символ, но другого у нас нет. Страна по-тюремному обожествляет старушку маму-Родину. Короче, «Не забуду мать родную!» и «Родина-мать зовёт!» — две реплики из одной и той же мелодрамы.

Я слышу, как уже свистят в воздухе брошенные в меня камни.